

Л ю д м и л а
К О Л Ъ

У МЕНЯ
В КАРМАНЕ
ДОЖДЬ

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2010

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
К62

Коль Л.

К62 У меня в кармане дождь / Людмила Коль. — СПб. : Алетейя, 2010. — 356 с.

ISBN 978-5-91419-340-6

Произведения Людмилы Коль, собранные в этой книге, различны по тематике. В основу нового романа «Земля от пустыни Син» положена семейная сага, в которой рассказывается история нескольких поколений некогда большой семьи, осевшей в Москве и постепенно растворившейся в новом поколении: кто-то уходит в религию, кто-то успешно занимается бизнесом, кто-то живет за границей, балансируя на культурном пограничье и полностью вписавшись в стиль нового сообщества. «Мы, европейцы, круто знаем, чего хотим», — говорит один из молодых персонажей. Это роман о сложных человеческих взаимоотношениях, идеалах, вере, любви.

Повесть «Анна для взрослых» — исповедь матери, у которой сложились непростые отношения со взрослой дочерью, трагедия, разыгравшаяся между ними. Повесть «Девушка в фате» посвящена духовной близости двух неординарных женщин, одна из которых погибает.

Обо всех произведениях можно сказать словами рецензента, профессора А. И. Чагина: это лаконичная и внутренне емкая, отточенная психологическая проза.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-91419-340-6

9 785914 193406

© Людмила Коль, 2010
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2010
© «Алетейя. Историческая книга», 2010

ЗЕМЛЯ ОТ ПУСТЫНИ СИН

Роман

Моему сыну

«Они пошли и высмотрели землю от пустыни Син...»

Четвертая книга Моисеева, гл.13.

«Пустыня — символизирует одиночество и отрешение, а также место для размышления, тихого божественного откровения».

Большой академический словарь.

Сквозняк, в один миг преодолев этажи, врывается в пустую квартиру, пролетает через весь коридор и вылетает в кухонную форточку.

— Придержите дверь, а то хлопнет, — предупреждает агент. — Кто же это оставил открытой форточку? — недоумевает он и идет вперед.

Они входят внутрь и останавливаются, не решаясь двинуться дальше.

Агент возвращается, зажигает свет, открывает везде двери.

— Ну, вот, смотрите... — Он жестом приглашает войти в первую комнату.

Квартиру предлагают, кажется, давно — объявления в рекламке, которую они держат в руках, появляются из номера в номер. Но покупатель, видимо, не находится: пятый этаж без лифта все-таки не котируется у клиентов. Да и сами они пришли, собственно, лишь ради любопытства — посмотреть, что случилось с районом их детства.

Они обводят взглядом помещение.

Все как обычно: пустота обнажила засаленные пятна на стенах, почерневший потолок, отставшие во многих местах обои, затертый паркет с темными плинтусами, в которые въелась пыль... облупившаяся краска на дверных косяках и оконных рамах, заржавевший крюк от люстры... Следы бывшего жилья... Впрочем, ничего удивительного: так всегда и бывает, когда насиженное место покидают... Рядом с окном, в углу, в длинной плетеной сетке, завязанной внизу узлом, одиноко свисает с потолка керамический горшок с комнатным растением.

— Цветок живой еще... поразительно...

— Не впечатляет? — оборачивается агент: он пока деловито раскладывает бумаги на подоконнике. — Начало шестидесятых: высокие потолки, легко дышится, хотя и двухкомнатная. Ремонт капитальный, конечно, требуется, но... как говорится, качество. — Он постукивает костяшками пальцев по стене, выбивая из нее сухой, плотный звук, и довольно смотрит: — Слышите? Кирпич... Да и район престижный теперь — от центра близко, и зеленый... поэтому цена...

Часть первая

ЗВЁЗДНЫЙ, ДОМ 9...

За улицей, где стоят дома, Москва кончается. Потому что там, на противоположной стороне, просто земля: *там* начинаются огороды, кучи мусора, идут рядами деревянные темные бараки, в которых кто-то живет своей жизнью, о которой живущие *здесь* в кирпичных, сталинской постройки домах, выложенных сверху облицовочной серой плиткой, ничего не знают. Говорят, *там* даже то ли речка протекает, то ли ручей. Но наверняка никто сказать не может, потому что никто не видел. *Туда* взрослые ходят лишь за молоком к молочнице, или покупают редиску и салат с грядок, а осенью *оттуда* ходят по подъездам мужики в грязной одежде и предлагают картошку. С ними разговаривают, выйдя на лестничную площадку и прикрыв дверь, чтобы не напустить в квартиру деревенского запаха, и долго торгуются о цене, чтобы не переплатить. А потом обсуждают, почём «брали» картошку в этом году и сравнивают, почём она была в прошлом. Иногда по улице одиноко бредет корова, за которой, с хворостиной, идет хозяйка. Лето стоит в разгаре, солнце жарит, и за коровой поднимается столбик пыли.

Улица тонкой серой асфальтовой змеей тянется вверх и наверху упирается в ограду Ваганьковского кладбища. Летом по улице гоняют на велосипедах дети, а зимой с горки, ярко сверкающей на солнце белизной снега, катятся вниз одни за другими санки.

Оттуда тоже приходят с санками и тоже катятся на них вниз. *Там* зимой идет струйками дым из труб и ходят к колодцу за водой. Но это — уже не Москва. И никому нет дела до того, кто и как живет за чертой Города.